

УДК 37(091)(470.324)

**КАПИТАЛЬНЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОРОНЕЖСКОМ КРАЕ**

(Рецензия на монографии: *Пыльнев Ю. В. Воронежская школа и учитель в конце XVII – начале XX века / Ю. В. Пыльнев. – Калининград : РА Полиграфычъ, 2023. – 727 с.; Пыльнев Ю. В. Воронежская школа и учитель в 1917–1992 годах / Ю. В. Пыльнев. – Калининград : РА Полиграфычъ, 2022. – 555 с.)*

М. Д. Карпачёв

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2023 г.

Аннотация: *представлена рецензия на монографии, посвященные истории народного образования в Воронежской губернии с конца XVII до начала XX века и с 1917 по 1992 годы. В монографиях рассмотрены условия и конкретные пути развития образования как в дореволюционной России, так и в Советском Союзе.*

Ключевые слова: *народное образование, Воронежская губерния, дореволюционная Россия, Советский Союз.*

Abstract: *the a review of monographs on history is presented of the people's education in the Voronezh region since the end of the 17th century till the beginning of the 20th century and from 1917 to 1992. The books show particular forms of the development of the school system in pre-revolutionary Russia both in pre-revolutionary Russia and in the Soviet Union.*

Key words: *people's education, Voronezh region, Soviet Union.*

Воронежское историческое краеведение пополнилось поистине масштабным исследованием. Профессор Воронежского института развития образования Ю. В. Пыльнев, хорошо известный историк и педагог, основатель и многолетний руководитель уникального музея народного просвещения, опубликовал двухтомное исследование, посвященное истории школьного дела в нашем крае. Масштаб представленной на суд читателей работы производит внушительное впечатление. Два одинаково оформленных тома содержат почти полторы тысячи страниц большого формата, рисующих картину развития начального, неполного среднего и среднего образования в Черноземном центре России. Первая книга посвящена истории воронежской школы с конца XVII века до падения монархии в 1917 году, вторая повествует о становлении и развитии в крае советской системы народного просвещения; ее верхняя хронологическая рамка ограничена 1992 годом. Освещается, таким образом, история школьного дела за громадный период протяженностью в три столетия.

Такой охват дал возможность автору наполнить содержание своего труда множеством исключительно интересных и познавательных сюжетов.

Сразу же подчеркнем: хотя оба тома раскрывают историю регионального школьного образования на примере Воронежского края, монография очень ценна и для специалистов высшей школы, поскольку вузовское образование видными и невидимыми нитями связано с образованием школьным.

Сомнений в научном и культурном значении этого издания быть не может. История народного просвещения по праву занимает одно из приоритетных мест в отечественной исторической литературе. Для современного читателя тема народного образования важна и интересна еще и потому, что она прямо связана с общими оценками развития политической, хозяйственной и культурной жизни страны. На протяжении многих столетий огромные массы населения Российской империи оставались безграмотными. Господство крепостного права исключало необходимость в народном просвещении. Не только помещики и коронная администрация, но и сами крестьяне искренне пола-

гали, что грамотность простому труженику была не нужна. При статичной и малопродуктивной аграрной экономике крестьянину достаточно было обладать элементарными навыками обработки пашни и ухода за рабочим и домашним скотом. Необходимый крестьянству трудовой опыт передавался из поколения в поколение. С малых лет крестьянские дети начинали трудиться, подражая своим отцам. В архаичной системе общественных отношений крепостной эпохи даже элементарная грамотность считалась не просто избыточной, но даже вредной и опасной как для государства, так и для спокойствия самого народа. Много знавший работник легко мог превратиться в опасного или вредного вольнодумца, недовольного сложившимся миропорядком.

Однако, как справедливо подчеркивает автор, даже при полном господстве самодержавно-крепостнических порядков абсолютное невежество подданных было несовместимо с задачами государства. Функционирование все более сложной и разветвленной административной системы требовало наличия пусть совсем небольшого, но грамотного персонала в центре и на местах. Грамотность нужна была и духовенству всех конфессий. Даже относительно малое число грамотных людей надо было обучать. Поэтому уже в XVII веке в России, в том числе в Воронежском крае, действовали «мастера грамоты» (частные учителя), а также элементарные школы с ограниченным числом учеников. Автором верно замечено, что благотворные последствия в этом отношении имело воссоединение в 1654 году России с Украиной. В местах, обживаемых украинскими переселенцами, открывались школы. В них преподавали церковнослужители, «по сравнению с русскими эти люди являлись более образованными и знали не только русскую грамоту» [1, с. 14].

И все же первые попытки введения систематического начального обучения в Воронежском крае были результатом разносторонней деятельности Петра I, развернувшего здесь строительство военно-морского флота. Потребности кораблестроения вызвали необходимость устройства на воронежской земле адмиралтейских и математических (цифирных) школ, так как попытки получить необходимых для строительства кораблей специалистов путем отправки молодежи за границу ощутимого результата не дали. По отзывам наблюдателей, побывавшие, например, в Англии молодые русские люди учились больше «не мореплаванию, а умению пить и тратить деньги» [1, с. 24]. У адмиралтейских школ (Воронежской-Тавровской, Павловской, Воронежской цифирной) были ограниченные задачи, но

в то время, замечает автор, они обеспечивали грамотными людьми важные участки государственной жизни [1, с. 33]. Полезны и интересны сведения о введении Петром I гражданского алфавита, существенно упростившего обучение грамоте.

Сжато, с учетом имеющихся источников, освещен вопрос о появлении в Воронежском крае первых духовных (архиерейских) школ. По оценке автора, духовенство в XVIII веке являлось наиболее образованным сословием в русском обществе. Крупным событием в культурной жизни Воронежской губернии стало учреждение здесь духовной семинарии; указ о ее создании был издан в 1745 году. Интересна сообщаемая в книге деталь: содержание семинарии не должно было обременять казну. С материальной стороны ее деятельность обеспечивалась главным образом особым хлебным сбором с местного духовенства, каждый православный приход должен был передавать на нужды семинарии 1/30 часть урожая со своих угодий, а каждый монастырь – 1/20 часть хлебных доходов. Лишь с 1765 года по указу Екатерины II после секуляризации церковных земель семинарии стали обеспечиваться государственным содержанием. Шестиклассная программа обучения в семинарии была направлена на то, чтобы сделать духовенство по-настоящему грамотным сословием. Констатируя это, автор не скрывает слабостей и недостатков в работе главного очага духовного просвещения и обстоятельно повествует о содержании учебного процесса в ней. Но справедливо подчеркивает, что в пору создания семинарии светских учебных заведений подобного уровня в губернии не было. Даже для дворянского сословия.

Обстоятельно освещен вопрос об открытии в 1785 году в Воронеже первого народного училища. Решающую роль в его создании сыграли руководитель Воронежского и Харьковского наместничества генерал-поручик В. А. Чертков и воронежский губернатор И. А. Потапов. Это было, как подчеркивает Ю. В. Пыльнев, действительно большое событие в культурной жизни губернии, знаменовавшее собою крупный шаг на пути к созданию регулярной системы народной школы. Примечательно, что живший в ту пору в Воронеже последний крымский хан Шагин-Гирей пожертвовал вновь создаваемому народному училищу 1000 руб., очень крупную сумму по тому времени [1, с. 64]. Спустя примерно год, 22 сентября 1786 года эта школа была преобразована в Главное народное училище (ГНУ), ставшее прямым предшественником возникшей позднее классической гимназии.

В книге подробно и даже красочно рассказано о внутренней жизни ГНУ, о работавшем в нем персонале. Сказался творческий почерк музейного работника. Автор сообщает множество действительно очень интересных деталей о содержании учебного процесса, об особенностях педагогического труда того времени. Постепенно ГНУ стало играть роль своеобразного флагамена в создававшейся системе народной школы. В конце XVIII века в уездных городах губернии стали появляться малые народные училища, дававшие начальное образование детям практически всех светских сословий. В книге рассказано о создании таких народных училищ в Острогжске, Павловске, Бирюче, Валуйках, Боброве, о работе в них педагогов того времени. Впоследствии, отмечает автор, на их базе были созданы уездные училища как основной тип начальной школы XIX века. Возникавшие одновременно церковно-приходские школы заняли положение наиболее низкой ступени народного просвещения. С интересом читаются разделы, содержащие сведения об особенностях домашнего обучения дворянских детей, о частных домашних школах на рубеже XVIII–XIX столетий, о работе начальной школы в поселке Рибенсдорф, основанном близ Острогжска немецкими переселенцами в середине XVIII века.

Принятый в 1804 году школьный устав предусматривал расширение сети уездных училищ, занявших промежуточное положение между гимназией и приходскими начальными школами. Начиная с 1808 года, такие училища открылись в большинстве уездных городов губернии, о чем с большим интересом повествует автор. Он детально описывает нелегкий процесс становления училищ, порядок обучения в них, сообщает о знаменитых выпускниках, в частности о художнике И. М. Крамском, поэте А. В. Кольцове, профессоре и литераторе А. В. Никитенко. Поучительна информация о положении учителей, которым нужно было просить разрешение на брак у начальства, о проведении публичных экзаменов в присутствии почетных смотрителей, чиновников, духовенства и состоятельных граждан [1, с. 151]. Примечательно, что некоторые состоятельные граждане губернии в ту пору жертвовали даже свои дома для устройства уездных училищ.

Очень интересны сообщаемые в книге сведения о появившихся в губернии ланкастерских школах взаимного обучения. При популярной в начале XIX века системе учитель вначале подбирал группу наиболее способных учеников, а затем каждый из них сам передавал полученные знания как бы по конвейеру небольшим группам своих товарищей. Как отмечает автор, распространением

ланкастерского метода взаимного обучения занимались не только декабристы, им увлекались даже высшие представители власти [1, с. 159]. Например, в селе Воронцовке Павловского уезда такая школа была создана по распоряжению крупного вельможи князя М. С. Воронцова и весьма успешно работала довольно длительное время.

Правильно отмечена роль реформы П. Д. Киселева в продвижении школьного дела у государственных крестьян. Созданное в конце 1830-х годов министерство государственных имуществ предприняло ряд полезных мер по созданию первой и очень скромной сети народных школ. В середине 1860-х годов эти школы были переданы учреждавшимся в ту пору уездным земствам.

Совершенно справедливо Ю. В. Пыльнев подчеркивает значение реформ Александра I для начала строительства устойчивой системы народного просвещения. Учреждение в 1802 году соответствующего министерства, формирование учебных округов вокруг создававшихся университетов, а также подведомственных каждому университету сети классических гимназий имело важнейшее значение для грядущего взлета русской культуры. Открывшийся в 1805 году Харьковский университет стал центром притяжения для школ огромного округа, в состав которого вошли и учебные заведения Воронежской губернии. Наличие в округе университета потребовало начать расширение количества средних, а вслед за этим и начальных школ; в студенты могла идти только подготовленная молодежь. Вот почему уже в 1809 году было принято решение преобразовать Воронежское ГНУ в классическую гимназию. Этому важному событию в истории края отведено в книге достойное место. Во второй главе тома подробно освещен процесс становления и развития гимназии, дана интересная характеристика ее персонала и учебных площадей, рассказано о строительстве и открытии в 1859 году сохранившегося до наших дней здания гимназии, ныне принадлежащего университету инженерных технологий (проспект Революции, д. 19). Словом, раздел о первой воронежской гимназии написан не просто интересно, но даже с весьма увлекательными подробностями. Автор сообщает, в частности, что в 1860-е годы для нужд гимназии выписывались самые либеральные и демократические журналы того времени, включая «Современник» и «Отечественные записки» [1, с. 260].

Содержателен очерк об основании и начале деятельности в Воронеже Михайловского кадетского корпуса. Дававшее хорошее образование и готовившее молодежь преимущественно к военной карьере это учебное заведение, названное

так в честь брата царя великого князя Михаила Павловича, вскоре стало, подчеркивает автор, одним из лучших в России и самым престижным учебным заведением в Воронежской губернии [1, с. 265]. В нем трудились лучшие педагоги того времени, включая автора знаменитых учебников по математике А. П. Киселева и видного подвижника народного просвещения Н. Ф. Бунакова. Примечательно, что внушительное здание корпуса было построено при огромной материальной помощи состоятельных воронежцев. Отставной генерал Н. Д. Чертков передал в собственность казны 1000 принадлежавших ему крепостных крестьян, с тем чтобы государство в обмен профинансировало начало строительства, а затем в пользу корпуса пожертвовал колоссальную по тем временам сумму в 1,5 млн руб. ассигнациями¹ [1, с. 264]. В 1918 г. в украсившем город здании упраздненного советской властью корпуса разместился вновь созданный Воронежский государственный университет. Случилось это после отъезда из Эстонии русского персонала бывшего Юрьевского университета. В книге отмечено, что пожертвования в пользу кадетского корпуса не были единичными. Состоятельные воронежцы нередко дарили даже дома и деньги для детского приюта, для училища трудолюбия и других учебных заведений. Воронеж, с удовлетворением отмечает Ю. В. Пыльнев, по числу благотворительных организаций опережал многие города России [Там же, с. 537].

Вполне справедливо исследователь оценивает значение исторического поворота в политике самодержавия, свершившегося после отмены крепостного права при либеральном министре народного просвещения А. В. Головнине. Именно тогда, с эпохи великих реформ 1860-х годов, Россия вступила на путь необратимых перемен, призванных обеспечить экономическую и культурную модернизацию государственной и общественной жизни. Отцам отечественной перестройки того времени, просвещенным бюрократам в окружении императора Александра II пришлось без промедления приняться за комплекс реформ в области просвещения: стране срочно потребовались кадры инженеров, юристов, экономистов, геологов и иных специалистов. Стало очевидным, что без элементарной грамотности невозможно водить поезда, работать на токарных станках, пользоваться слесарным инструментом и т.п. Ю. В. Пыльнев обоснованно отмечает, что в политике администрации происходит судьбоносный поворот от сдерживания и ограничения к поощрению и стимулированию народного образования.

¹ 1 рубль ассигнациями стоил в ту пору примерно 25 коп. серебром.

И хотя подъем народного образования таил новые скрытые угрозы для существовавшего тогда строя, но отступить было невозможно ни администрации, ни обществу. Необходимо было преодолеть застарелую косность и патриархальные пережитки населения.

В монографии особо выделена позитивная роль созданных в 1864 году земств в расширении масштабов народного просвещения. Очень убедительно и с искренним сочувствием освещается самоотверженный труд земских учителей, бескорыстно стремившихся преодолеть народную темноту. Результаты таких усилий, подчеркивается в книге, были очевидны: в начале века Россия стояла перед решением проблемы всеобщего обязательного начального образования. В 1915 году в губернии числилось уже 2524 начальные школы, в которых обучались свыше 222 тыс. детей, что почти десятикратно превышало показатели крепостного времени [1, с. 465, 468, 470]. Создавались не только школы общей грамоты, но и специализированные профессионально-технические училища, отвечавшие запросам различных категорий населения. Шло, в частности, довольно уверенное развитие сельскохозяйственного образования [Там же, с. 480].

Важнейшему сюжету о подготовке учителей отведена 7 глава первой книги. Уже в 1868 году, подчеркивает автор, были открыты педагогические курсы при классической гимназии, слушатели которых служили по распределению в начальных школах не менее двух лет [1, с. 490]. В 1875 году курсы были преобразованы в учительскую семинарию, действовавшую 43 года. В начале XX века в уездах было открыто еще 11 семинарий. О самоотверженном труде педагогов того времени в книге сказано подробно и с искренней теплотой [Там же, с. 516].

Второй том посвящен истории воронежской школы советского времени, точнее от революции 1917 года до прекращения существования СССР. Последнее тридцатилетие современной истории автор не затрагивает. Здесь также содержится чрезвычайно интересная и поучительная информация. Подробно, не скрывая ни реальных достижений, ни заблуждений и потерь, Ю. В. Пыльнев повествует о революционном энтузиазме, с которым велся поиск оптимизации системы начального и среднего образования в первые годы советской власти. Выдвинув лозунги культурной революции, советская власть с первых же дней своего существования провозгласила задачу ликвидации народной безграмотности. Но реализация новой политики шла трудно. С революционным энтузиазмом подчас насаждалось представление о том, что

победивший пролетарий легко овладеет необходимыми ему знаниями, без особого принуждения и школьной субординации. Так, первые годы советской власти прошли в преобразованных школах под девизом «Долой учебник!» [2, с. 82]. История советских учебников вообще складывалась непросто, поэтому до 1930-х годов в школах внедрялись не стабильные, а так называемые динамичные учебники, оперативно отражавшие быстрые перемены окружающего школу мира. Прочные знания при таком содержании учебников получить было трудно. Негативные последствия имела и широко распространившаяся вульгаризация классового подхода. Большая часть учительства новыми властями на местах воспринималась нередко как классово чуждый слой. В глазах обывателей провинциальной России «буржуем» считался всякий интеллигент, носивший очки и шляпу. Это порой оборачивалось гонениями на вполне добросовестные педагогические кадры [Там же, с. 101, 108–119]. Освещаются в теме и издержки ударничества, характерные для первых лет советской власти, в том числе необоснованное сокращение сроков обучения, проведение постоянных экспериментов с введением непрерывного, бригадного и других подобного рода методов обучения. Словом, романтические качели революционного времени сопровождалась не только несомненными достижениями в развитии школьного дела, но и изрядными потерями. В результате лишь к 1927 году Воронежская губерния по числу школ и учеников вышла на уровень предреволюционного времени, а политическое решение о введении всеобщего начального образования было принято только в 1930 году. Однако советская власть трудилась не напрасно: постепенно образовательную систему удалось упорядочить. К 1935 году она приняла правильный, устойчивый и даже привычный современному читателю вид [Там же, с. 166–167].

Убедителен содержащийся в теме анализ педагогической печати советского времени [2, с. 224]. Несомненный интерес вызывает и сюжет о введении в Советском Союзе с 1940 года платного обучения в вузах и в старших классах средней школы [Там же, с. 236–237]. Платное обучение действовало до середины 1950-х годов, а объяснялось оно экономическими трудностями тех лет. И, как верно отмечает Ю. В. Пыльнев, имело не только негативные, но и позитивные стороны. Во всяком случае отношение к учебе у старшеклассников и студентов заметно улучшилось. В теме хорошо освещен поэтапный переход страны ко всеобщему обязательному семилетнему, затем к восьмилетнему образованию, к созданию средней школы с производственным обучением [Там

же, с. 276–290]. С понятным удовлетворением Ю. В. Пыльнев отмечает заботу государства о престиже педагогической профессии в те годы. Лучших учителей систематически награждали правительственными наградами. Так, в 1949 году орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу были награждены 1243 воронежских учителя, в том числе 167 – орденом Ленина, высшей наградой советского времени [Там же, с. 300].

Композиционное построение обоих томов в целом возражений или сомнений не вызывает. Богатейший фактический материал излагается по проблемно-хронологическому принципу. Встречаются, однако, повторы. Скажем, начало второго тома практически полностью воспроизводит концовку первого. Автор дважды сообщает об итогах развития народного просвещения в Воронежской губернии к концу монархического режима.

Оба тома написаны хорошим литературным языком, легко читаются. Среди недочетов можно отметить встречающиеся неточности в информации общеисторического характера. Например, автор пишет, что «к концу XVII в. Россия достигла значительного уровня экономического и культурного развития» [1, с. 10]. И поэтому появились первые школы. Но они появились как раз потому, что «значительного уровня» России предстояло еще достигнуть. Явным упрощением страдает утверждение о том, что «на протяжении столетий правящие круги России преследовал страх революции, “вольных мыслей”, тлетворного влияния Запада на умы и настроения людей» [Там же, с. 143]. Автор сам приводит убедительные свидетельства того, что именно правящие круги не раз были инициаторами и организаторами развития народного просвещения и отнюдь не из-за страха перед революцией, да еще на протяжении столетий. Встречаются ошибки в изложении конкретного исторического материала. Неверно, например, указана численность крестьянства Воронежской губернии в XIX в. [Там же, с. 201]. Сомнительно утверждение, что гимназии с 1828 года предназначались только для дворянских детей [Там же, с. 194]. Сам автор приводит статистику, которая показывает, что в гимназии учились также дети купцов, мещан и даже однодворцев, т.е. фактически государственных крестьян [Там же, с. 199]. Управление Харьковского учебного округа даже жаловалось в 1846 году на неосновательные стремления людей низших состояний отдавать детей сразу в гимназии без предварительного обучения их в уездных училищах [Там же, с. 236].

Очень интересны сведения о школе Н. Ф. Бунакова, о полемике воронежского педагога с Л. Н. Толстым. Но этот раздел надо было написать

яснее. Что это за буквослагательный способ обучения грамоте? [1, с. 342]. Интересна информация о Воронежском суворовском училище, работавшем с 1943 по 1963 годы [2, с. 251]. Но сказано о нем слишком мало. Большого внимания заслуживает освещение роли Воронежского государственного университета в подготовке учительских кадров. Вот уже более сотни лет такая подготовка ведется на большинстве факультетов. Было бы полезно проанализировать эту работу ВГУ, сопоставив ее с деятельностью ВГПУ. Жаль, что в исследовании нет историографического обзора. Впрочем, имеющиеся недочеты отнюдь не умаляют значения сделанного большого труда.

Оба тома содержат обширные приложения, в которых публикуются разнообразные официальные документы, определявшие характер и содержание школьной системы России на разных исторических этапах, таблицы со сведениями о динамике развития школьной сети, уставы, инструкции и иные нормативные материалы. Словом, педагогическая общественность получила

интересное, полезное, а работникам образования даже необходимое издание. Книги написаны глубоко любящим свое дело историком и практиком школьного образования, создателем образцового музея школьного дела. В них опубликован богатый и чрезвычайно интересный иллюстративный материал, включая, например, образцы гимназической и школьной одежды, ученических принадлежностей разных времен, зданий учебных заведений и т.п. Новый труд Ю. В. Пыльнева вполне заслуживает высокой оценки как одно из лучших отечественных исследований последнего времени по истории школьного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пыльнев Ю. В. Воронежская школа и учитель в конце XVII – начале XX века / Ю. В. Пыльнев. – Калининград : РА Полиграфычъ, 2023. – 727 с.

2. Пыльнев Ю. В. Воронежская школа и учитель в 1917–1992 годах / Ю. В. Пыльнев. – Калининград : РА Полиграфычъ, 2022. – 555 с.

*Воронежский государственный университет
Карпачёв М. Д. – доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории
России*

E-mail: m-karpach@mail.ru

*Voronezh State University
Karpachev M. D. – Dr. Habil. in Historical Sciences,
Head of the Department of Russian History
E-mail: m-karpach@mail.ru*